

Дед

Старик жил один... Годы сделали своё дело: дети поразьехались, жена, как-то быстро переболев, ушла в мир иной, оставив его совсем одного. Нет, он не в обиде на детей – письма пишут, приезжают по очереди каждое лето в гости. Привезут подарки, переделают кое-какие скоротечные дела, покормят своими новомодными приготовлениями, наговориться не успеешь, а они уже в автобусе, мчатся в свои семьи. Что тут поделаешь, жизнь... В отношении жены у деда проявлялись разные мысли: то он вспоминает, как хорошо жилось им вместе, понимали друг друга, поддерживали, то начинает сердать на то, что она так быстро попрощалась с жизнью на этом свете. Неприятности, «колючие» места в их отношениях тоже проглядывались, как без них, но хорошего было, безусловно, больше. По мнению старика, жизнь – штука коварная, только и смотри – что-нибудь пакостное да и вытворит... Наступившая после перенесённой болезни слепота – одна из таких коварностей.

Дед жил в одном из приангарских посёлков в Сибири. Характер его в своё время зарождался на Урале, а здесь, в таёжной сибирской глуши, наполнился привкусом местного упорства и какой-то особой возрастной вредности, что ли. Тяжело приходилось жить с таким характером, но изменить его – ещё сложнее. Поэтому, что есть, то и есть – принаравливайтесь, если хотите. А нет, так никто особо и не беспокоится. Особой активности в общении он никогда не любил, более того, был обособленным и нелюдимым, с людьми сходилась плохо.

Это лето выдалось в сибирской стороне на редкость сухим и жарким. Солнце палило нещадно, дождь никак не хотел

заглядывать в эти края. Дед переживал за картошку. Были времена, когда он в подобном случае организовывал поливку своих огородных насаждений, приспособив для этого металлическую трубу, подведённую к бочке, в которую заливалась привозная вода. Труд большой, но дававший результаты. Теперь сам он ничего не видит, сделать не может. Все упования только на погоду. Хорошо, хоть каждый год добрые люди выполняют посадочные работы. Осенью тоже всё, как придётся, прошлым сентябрём урожаем собрала дочь, приехавшая с внучкой, а то, случалось, и нанимать приходилось поселковых копальщиков...

– Ох, куда всё девалось? – размышлял дед. – Сам, так уж сам... Кто лучше тебя сделает? А вот, поди ж ты, ничего теперь не могу, потерял канву жизненную... И не думал ведь, что так выйдет. Дети, что дети, у них своя жизнь, свои заботы... Хорошо, что хоть про меня, старика, не забывают... И на том спасибо. Рядом бы жить, оно бы лучше было. И я бы в чём сгодился, помог... И мне какая-никакая помощь была бы обеспечена... Но вот не выходит так. Жизнь-то, она по своему делает, свою линию гнёт.

Мысли сокровенные свои дед всегда сопровождал нелитературными вставками, попросту, матерными словами, что шли от давнего народного общения в нашем русском мире, были очень распространёнными и необычайно звучными – колоритными. Без этого он не мог. Как обойтись без таких слов-связок... Речь блёклой будет, понимания не получится. Когда он ещё трудился в леспромхозе, валил лес, нередко приходилось самому в выходные дни разбирать работягубензопилу, чтоб устранить неисправности либо просто для профилактики, то уж тут, при этой работе, помнит он, мастерство русского словотворчества закалялось особым образом и с повторяющейся частотой употребления нелитературных

слов. Деталей в устройстве механизма было много, встречались мелкие. Крупными малоподвижными руками взять их было нелегко... Как тут не выскажешься: «в душище, в божище, твою мать...».

Дед вспомнил недавнюю историю, сотворённую навестившим его сыном. Кто его просил плакаться местным властям, что отцу надо бы поправить крыльцо. Главное, мне-то сказал об этом скользом, между прочим. Будто не знает, что мне ко всему новому надо долго привыкать. Вот бы и подготовил постепенно к мысли, что крыльцо будут переделывать. Ты, мол, папка, настройся на новый расклад крылечка. Не переживай, освоишь. Зато крепкое будет устройство, надёжное, на долгие годы... И согласишься ведь с ним. Доски нижние уже даже гвоздями не держатся – играют... А то как прилетит другим концом по головушке – не обрадуешься. И приляжешь тут, рядом с крыльцом. Будут по посёлку твердить: «Дед-то у своего крылечка так и примостился, бедолага». Ещё и прозвище сладят – Дед-крыльцо! Знаю я их острые языки! Только смотри тут! Ох ты, жизнь-судьбинушка...

И в этот момент дед внутренне начинал жалеть себя, своё одинокое положение в этом мире. Человек нрава крутой, он всё же позволял самому себе расслабляться, мягчать душой, поддерживать чувства собственного умиротворения – делал это изредка, но состояние освобождённого от привязи духа нравилось ему и приятно согревало сердечко. «Не ты, так кто тебя пожалеет?» – как бы задавался этим вопросом дед. Но в то же время он тем самым вроде бы и извинялся за некие минуты своей слабости.

Мысли деда опять вернулись к крыльцу. Ведь что получилось, отправили двух работников крыльцо смастерить. Они быстро сделали своё дело – сбили, сколотили то, что надо из отведённого им материала. Одно не учли – он-то, слепой,

привык к тому, старому, крыльцу, познал все его особенности, легко мог по нему ориентироваться, а значит, легко продвигаться вперёд и назад, придерживаясь руками за заборчик. Новая же конструкция отдалила крыльцо от забора и не позволила иметь прежнее вспомогательное подкрепление. Она обессилила старика.

– Это ж надо изобрести такой «подарочек», как будто специально вытворил, чтоб меня возмутить! – заводился дед. – Просто наваждение какое-то, жил бы да жил себе... Я старый, крыльцо старое, оба мы с ним не молодые. Прохудились... Но кого время не трогает? Всех оно своим вниманием не обходит, всех кособочит. Планеты и те – перекраиваются от старости. Мужик один учёный по телевизору долго про это рассказывал. Что про людей говорить? Слаб человек, податлив, червоточив... А уж крыльцо деревянное... То – тем более!

Дед опять принялся лелеять в себе размышления о том, что с ним поступили не по-человечески, несправедливо: создали никчёмную, совсем не нужную ему проблему, усложнили его степенную, устоявшуюся старую жизнь.

– Видно, придётся самому соображать да делать что-то. Гвоздей закажу, дам денег, пусть купят. А будут гвозди, и молоток в руки запросится!

*Я пошла бы с ним на ток,
Да сломался «молоток»,
А я такая, что пока
Не могу без «молотка»!*

Всплыла в памяти деда эта залихватская частушка, когда-то услышанная. С двойным дном, как называл её тогда дед.

«С двойным, с двойным... Ишь замаскировала как бабёнка грешные свои желания...» – ухмыльнулся он, вспомнив к месту своё давнее определение про двойное дно и поразившись своей пронизательности.

– Как сказал правильно! Вот это я выдал! – возгордился дед. И дальше – про дело...

– Доски прежние возьму, от старого крылечка, можно ещё повибирать. А руки... Руки они работу помнят, и пусть глаз не видит, наощупь уже привычно что-нибудь лепить-мастерить... Справлюсь, справлюсь помаленьку. Торопиться мне некуда. Это эти мастера наскоро ладили, им-то что, скорей работу сдать – и свободны... Это мне ведь надо, чтобы всё по-людски сделалось, мастеровито было. Да и послужило подольше. Мне-то жить, не жить, сколько уж придётся, но другим послужит крылечко моё.

Дед вспомнил, как долго не соглашался с убеждениями детей установить телефон. И сын, и дочь в голос твердили, что с телефоном будет легче и им, и ему самому. Можно перемолвиться словечком, узнать о жизни. Письма они ему писали регулярно, но он давно уже не отвечал, из-за отсутствия какого бы то ни было зрения. Получать конверты с листочками их новостей и тёплыми пожеланиями ему дед любил. Долго держал письма, взятые из почтового ящика, в своих руках. Ждал с нетерпением, когда кто-нибудь заглянет к нему в дом, не один раз просил прочитать полученную весточку от своих деток.

Почему никак не давал согласия на телефон? Он и сам не знал, скорее всего, просто боялся нарушения годами устоявшегося хода жизни.

– Мне спокойно, – размышлял старик, – а там, кто его знает, как будет... Вот сплю я, возьмём к примеру, а тут – звонок забренчит... Ещё испугаюсь, глядишь... не соображу по-стариковски, что к чему...

Где-то в глубинке его сознания интерес к этому чуду техники присутствовал, но он не давал ему развиваться и переналадить осмысление своё на положительность решения.

– Телефон придумали. Жил я всю жизнь без него, вот и зачем он мне. Нет, ни к чему. Престарелый я! К старой жизни прикипевший годами!

Но дед понимал, что сомнения кой-какие по этому вопросу в душе всё же зародились, но отступить от уже давно решённого, он просто не мог себе позволить. Дед держал характер! Держал стойко и убеждённо в том, что нельзя давать слабину ни в чём. Этому он следовал всю жизнь, и отступать был не намерен.

Но пора за работу. Старик наощупь набрал гвоздей, прихватил инструменты, которые хранились у него в определённом месте в сенцах, вышел во двор. Потихоньку – неторопливо – стал разбирать крыльцо. Он и раньше, когда был зрячим, говорилось уже, любил употребить «красное» словцо непристойного для уха произношения, особенно при работе. Сейчас же, когда всё делалось с трудом, когда многие действия не получались, дед и вовсе не мог обойтись без крутых выражений, они часто срывались с языка. Без них никуда... Работа продвигалась медленно, тут и глазастый-то мужик не всё сразу сообразит и сделает... А уж в его-то положении! Да и гвоздей набили через край... Конечно, они же – эти гвозди – для дельцов полоруких не со счёту, казённые, бей да бей. А тут мучайся! Мысли деда шли своим особым круговоротом в голове параллельно работе рук. Он мог задуматься совсем о чём-то постороннем, отвлечься от своего занятия и даже приостановиться, оторвавшись от затеянного им процесса. Потом, вспомнив о деле, вновь рьяно брался за свой труд. Работягой он был, что надо. Рано начал трудиться, копейку зарабатывать. Работа всегда была тяжёлой, связанной с физическим трудом.

– Потому и здоровья нет, потому и мучаюсь сослепу, – пожалел себя дед. Размякло от этой жалости сердце, даже слеза навернулась... Он присел на опору крылечка.

– Вот ведь жизнь, – заговорил сам с собой, – всё что-то шевелишься, ладишь, мастеришь, можешь не можешь, а делать приходится. Стоит остановиться, забыть про работу... Что тогда будет? А всё – смерть! Вот человек и скребётся, тиранится, упирается! Я хоть и не годен, вроде, ни на что теперь, а всё туда же! Пытаюсь что-то делать...

Взявшись опять за свою работу, дед прощупал очередную доску, приладил её на место, приспособил рукой гвоздь, взял молоток, неторопливо забил его. Передохнул, захватил опять, как уж получалось, досочку, проделал то же самое и с ней. Постепенно основа крыльца приобретала свои очертания. Строго через определённое время дед обходил своё строительное творение – потихоньку, не торопясь, приспособляясь к шагу. Прикидывал, удобно ли захватывать рукой забор, примыкающий прямо к ступенькам с одной их стороны. Понимал всю практическую важность всего этого и жизненную необходимость. Оставшись довольным, собрал торопливо всё используемое в работе строительное имущество-инструмент, проверил, не оставил ли чего и усталое направился на веранду, где в кладовой распределил всё принесённое им по своим местам. Дед любил порядок. Всё у него было на месте и к месту!

Дома он прилёг на кровать, хотелось полежать, о еде мыслей не было, а вот вздремнуть чуток-другой – вот это куда с добром... Потихоньку усталость захватывала его тело, добираясь до каждого суставчика – не так часто приходится столь активно работать, но тут же брал в свои объятия спасительный сон, от которого болевые ощущения постепенно терялись, переходя в иное, порой даже блаженное, состояние.

Со сном в последнее время дед был дружен. Случавшаяся ранее бессонница, мучительная и надоедливая – всё ведь перемыслено, передумано – ушла, забылась. Поспать дед мог и днём, вечером тоже порой забывался, ну а ночью – ночью

надо спать, это уж по правилам жизни так положено. Жаловался дед только на одно – на сны свои. Часто, очень часто приходила к нему тогда давно умершая жена. Дед и спящим понимал своим сознанием – быть этого не может, нет такой возможности, а она появлялась всякий раз, мучительной душевной болью наполняя весь организм. Давно уже дед свыкся с мыслью, что он один на свете этом, без неё. Сначала страдал, плакал даже, почему так получилось, что она не с ним, вспоминал годы совместной жизни, корил себя за неучтивость, грубое отношение, что случалось при их многолетнем общении. Потом, в определённое время, дед начинал испытывать чувство озлобленности, почти переходящее в ненависть, за то, что она его бросила, ушла навсегда, оставив его страдать и мучиться. Сон тогда становился особенно беспокойным. Дед метался по кровати, сбивая простыню, теряя одеяло. Возникающая прохлада будила его. Ворча и неистово ругаясь, поправлял он свою спальную лежанку, укладывался, как удобно, укутывался потеплее и засыпал – открыто и светло. Но всё повторялось...

Дед ориентировался во времени с помощью китайских часов, придуманных как раз для таких, как он. Первоначально по их ходу было предусмотрено, что ежечасно женщина порусски, правда, с сильным китайским акцентом, оповещала о времени вслух. Позже механизм дал сбой – «китайская миленькая дама», как говаривал дед, замолчала. Называла она время только тогда, когда он, ущупав рукой специальную кнопку на часах, нажимал на неё. «Всё живой голос!» – радовался дед возможности общения с китаянкой. После трудового своего десанта дед проспал долго, через кнопку часов получил подсказку о позднем уже времени, перекусил наскоро да и опять на покой.

А назавтра был новый день. День «поджидания», так дед закручивал это слово, звонка. В последний сынов приезд тому

всё же удалось сделать невероятное – уговорить буквально перед своим отъездом деда на телефон. «И ведь на почту-то за покупкой сносился вмиг, несмотря, что сам уже шести десятков от роду. Какой-то сотовый, что за телефон – в ладошке размещается, взять-то его моими руками – целая история, а ещё надо в кнопках разобраться», – ворчал дед про себя. Но всю прелесть этого маленького приспособления понял почти сразу. Две кнопки – «вкл», «выкл» – освоил без особого труда. Больших сложностей это не составило. Домогали эсэмэски, приходящие на первых порах, когда сын уже отбыл домой, но попросил работницу соцзащиты, приходящую к нему, убрать эту функцию. Деду нравилась его личная осведомлённость: «Ишь ты, придумали про функцию. Слово-то какое изобрели...». Дед важничал про себя, радуясь приобщению к техническому прогрессу.

Вот и звонок – сотовый телефон заработал в очередной раз. Дед степенно берёт телефон, нажимает в нужном месте кнопку и важно произносит: «Слушаю!» Хоть разговор и был недолог, дед сам прерывал его словами: «Всё, хватит, нечего деньги переводить!», – переговорить удавалось про всё. А голоса сына или дочери как было приятно слышать – будто рядом и они сами в этот момент находились. «Надо же, придумали, изобрели...» – удивлялся дед. Долго задумывался над содержанием разговора, ругал себя, если забывал о чём-то важном спросить. «Кто бы подумал, что так станет... Какие расстояния, а смотри-ка, будто тут вот в комнате, через заборку, сидит и говорит – всё слышно! Как здесь побывал. Сердце греет тепло. Жить сразу хочется», – рассуждал дед.

Эти «разговоры» наедине с самим собой стали для него привычными. Таким занятием он как бы уходил от одиночества, находил собеседника, пусть и внутреннего, не проявля-

ющего в обыденной реальности, но такого понимающего, внимательного, знающего тебя.

«Трудно одному-то, ох, и трудно! С кем словом обмолвиться? Не с кем! Бобыль бобылём... Уж столько лет! За что такие мне испытания? Вот живи и думай, мучайся. И без мыслей этих – никак... Прут и прут в голову! А ответа нет, время только тратится зря!

А что оно мне, время-то?! Летит, летит по своим правилам, не успеваешь заметить, а уже и год кончается. Стремительное оно, это время, стало... Не даёт возможности затормозиться, паузу выдержать...

А это, я так считаю, чтоб мы не расслаблялись, не думали, что всё ещё будет, всему ещё своё время найдётся. Долго живёшь-то, время твоё на убыль пошло, меньше его остаётся, вот и торопится, спешит, успевай, мол...».

Так за незамысловатыми размышлениями дед незаметно для себя забывается, засыпает.

И снится ему уральское детство, покос, родители... Общее дело, совместные разговоры о том, о сём, природная ширь, духмяность трав – всё это теплит подростковую душу, наполняет счастьем сердце. Всё ещё впереди – впереди вся жизнь...

И деду спится легко и светло... Этот временный, неподневольный ему, переход из поры мудрости в сладкое ощущение детства – приятный подарок, неожиданный и потому – бесценный.